

4. Связь мировоззрения писателя и его художественного мышления, где наряду с традиционными категориями демократизма, народности, гуманизма требует пристального внимания и изучения отношение писателя к религии.

5. Издание текстов писателя. Речь пока не идет об издании полного собрания сочинений и основных художественных произведений (последние изданы достаточно полно и хорошими тиражами). Проблема заключается в публикации наиболее значительных произведений литературно-критического и эпистолярного жанров.

Е. А. Полетаева

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ НА ТВОРЧЕСТВО А.С.ПУШКИНА ("Пророк" и "Житие Нифонта")

Отражение древнерусской книжности в поэтических произведениях А.С.Пушкина - тема малоисследованная в пушкиноведении. Особый интерес к древним источникам (летописям, агиографическим памятникам и т.п.) возник у поэта в процессе работы над "Комедией о царе Борисе..." осенью 1825 года, когда он изучил достаточно большое число древнерусских памятников, с которыми мог ознакомиться, по мнению исследователя С.А.Фомичева, в библиотеке Святогорского Успенского монастыря или в устной традиции монастырского подворья (Фомичев С.А. "Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве" А.С.Пушкина // ТОДРЛ. Т.48. Спб, 1993). Как свидетельствует в своих "Записках" И.И.Пущин, в ту пору настольной книгой поэта были Четьи-Минеи. Не исключено, что обращение к литературным памятникам Древней Руси сказалось и на образном, стилистическом строе поэзии А.С.Пушкина в последующие годы и особенно на стихотворении "Пророк" (1826) - вершине творческого наследия поэта.

В исследовательской литературе принято считать, что образ пушкинского пророка взят из главы VI пророка Исайи. Однако, как писал С.Булгаков, общим можно "назвать только образ угля, которым коснулся уст пророка Серафим... в

остальном это совсем разные откровения" (Булгаков С. Жребий поэта // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С.283). У Исая посвящение показано в храме, где Серафим углем, взятым от жертвенника, очищает от "беззакония" уста пророка, приуготовляя его к пророческому служению. У Пушкина Серафим застает поэта в пустыне и, как когда-то Христос исцелил глухого косноязычного, возложив "персты Свои в уши ему и плюну коснулся языка его" (Евангелие от Марка. Гл.8,33-34), также через прикосновение десницы поэт получает необыкновенное слышание, прозрение. Тогда перед ним предстает софийность природы, Божество в акте творения Мира: содрогание неба, полет ангелов, движение морских гадов, "дольной лозы прозябание". Сам лексический, стилистический строй, общий тон стихотворения близок к библейскому повествованию - Бытие. Гл.1; Псалтирь 54 (6,8,10); Псалтирь 103 (25). Пророческое служение - ветхозаветная традиция. Византия и Древняя Русь не знала своих пророков. Это объясняется тем, что библейская функция - провозвестников явления Мессии Нового завета - была выполнена. Прозорливцы в лице святых, подчас скрывающиеся под маской юродства, отчасти играли пророческую роль, но их предсказания имели иное содержание и иную цель. В древнерусской книжности воспоминания о пророках отразились в паремийных чтениях, Псалтири, гимнографических текстах, духовных стихах.

В Ветхом завете мы не находим параллели мотива "обрезания сердца":

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул...

В памятнике византийской агиографии "Житие Нифонта, епископа Констанцского", известном в древнерусской рукописной традиции с домонгольского периода, вошедшем полностью в состав Великих Четвх Миней митр. Макария и сокращенно в Четви Миней Дмитрия Ростовского, находим похожий эпизод: Нифонт, проведший юность свою в беспутстве, приходит к покаянию, от грехов сердце его стало "развращено... яко мрамор или яко камень мянше лежащ на сердца". Св. Нифонту предстает видение долгого пути на Восток, охраняемого воинами-муринами. Себя же святой видит в окружении народа, объятого страхом. Неожиданно появившийся Ангел спрашивает их: "Чего боитесь? И не идете

путем сим? Идите со смирением". Св. Нифонт отвечает, что он присно просил у Бога подать ему смирение. Тогда Ангел говорит ему: <<"Да сего ти Бог подаст, да блюди, что ти будет". И зря, како прорезася перси ему, низя сердце его пред всеми, и поверг, и вложи ино, преславное и глагола: "Иди путем сим">>.

Таким образом, для того, чтобы идти скорбным путем в Царство Небесное и быть неуязвимым для лукавых демонов, св. Нифонт получает иное сердце, "сокрушенное и смиренное". Над преподобным Ангел произвел ту же операцию, что и Серафим над пушкинским пророком, только вложил не уголь, а кроткое сердце. Объединяет данный эпизод со стихотворением Пушкина и проблема выбора: оба героя стоят на перепутье. Преподобный Нифонт выбирает путь личного спасения, отречения от мира, поэт в лице пророка, подобно апостолам, посылается на общественное служение: "обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей".

Мы не беремся утверждать, что при написании "Пророка" А.С.Пушкин во второй части стихотворения представлял этот эпизод из "Жития Нифонта"; не исключено, что поэт мог быть знаком со славянским переводом данного жития, тем более что эпизод, подобный вышеприведенному, не обнаружен в каких-либо других памятниках. Вне сомнения, пушкинский пророк - собирательный образ, вобравший в себя черты ветхозаветного пророка, образы из новозаветной истории (исцеления Христом глухонемых) и агиографии, представленной древнерусской книжной традицией.

Е.В.Поморцева

ПАРАДИГМА КУЛЬТУРЫ В ЭСТЕТИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

А.Тарковский принадлежит к тем художникам, которые не ограничиваются собственно творением, но интенсивно осмысливают сотворенное, сопоставляя его с предшествующим опытом культуры. Эстетика А.Тарковского - своеобразный критический комментарий к его собственной поэзии, одна из форм саморефлексии и самопознания и в тоже время утверждение тех основ, на которых художник может и должен строить свое здание.